



УДК 903.5(571.5)

Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности*

С. П. Дударёк

Иркутский государственный университет

Д. Н. Лохов

Иркутский государственный университет

Аннотация. Изложены результаты изучения объектов археологического наследия, содержащих погребения эпохи бронзового века, на территории Северного Приангарья. Проанализированы суммарно захоронения, имеющие определенное сходство с материалами Прибайкалья. Выделены основные черты: положение костяка в могильной яме, ориентировка, сопроводительный инвентарь. Определены рамки бронзового века Северного Приангарья в пределах 4500–2800 л. н. Рассмотрен вопрос о датировке представленного массива погребений в рамках раннего (4500–3500 л. н.) и позднего (3400–2800 л. н.) бронзового века.

Ключевые слова: Северное Приангарье, Прибайкалье, бронзовый век, глазковский этап, хронология, периодизация, погребальные комплексы, сопроводительный инвентарь.

Введение

Профессиональные исследования объектов археологического наследия в Северном Приангарье продолжают уже более 130 лет. На этой территории открыто и обследовано свыше 200 местонахождений широкого временного диапазона от палеолита до этнографической современности. Изучение стоянок и могильников разных археологических эпох Северного Приангарья открывает для исследователей перспективы решения ряда актуальных проблем этногенеза и ранней истории аборигенного населения Байкальской Сибири.

Северное Приангарье в силу своего географического положения на протяжении многих тысячелетий выступало в роли контактной зоны, где пролегал путь, по которому осуществлялись культурные, этнические и товарообменные связи древних обитателей Енисея и Прибайкалья. Здесь сложились местные культурные общности, где наблюдаются как смешение черт, свойственное обоим регионам, так и свои особенности. Критерии этих особенностей

* Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, тема № 1433.

выделены на материалах ряда местонахождений эпохи неолита и бронзового века, позднее они послужили основанием для выделения В. И. Привалихиным цэпаньской культуры раннего железного века (VIII–II вв. до н. э.), отличной от культур Прибайкалья [Привалихин, 1993].

До сих пор остается дискуссионным вопрос о хронологических рамках бронзового века на территории Северного Приангарья, ввиду малого количества находок из металла и технических приспособлений для его отливки и обработки. Предварительно его хронодиапазон по аналогиям с Прибайкальем можно определить в диапазоне 4,5–2,8 тыс. л. н. Верхняя граница данного интервала не вызывает особых сомнений, так как цэпаньская культура раннего железного века существовала в регионе в пределах VIII–II вв. до н. э. (2,8–2,2 тыс. л. н.). На фоне этого особый интерес представляют погребальные комплексы, отнесенные к периоду бронзового века путем прямых аналогий с Прибайкальем. Связь материалов Северного и Южного Приангарья не раз отмечалась исследователями [Окладников, 1939; Дроздов, 1974; Васильевский, 1978; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Привалихин, 2009; 2011; Дударёк, Лохов, 2012].

Настоящее исследование является первой попыткой обобщения результатов 80-летнего опыта изучения погребальных комплексов бронзового века в Северном Приангарье. Первые захоронения обнаружены А. П. Окладниковым в 1937 г. В работе «Неолитические находки в низовьях Ангары» дается очень краткое их описание. Известно лишь то, что к эпохе бронзы относится погребение № 1 на р. Копте и несколько – у дер. Материковой и на р. Чириде. Тогда же был выдвинут тезис о близком родстве вновь обнаруженных могил с материалами хорошо известной к тому времени глазковской культуры Прибайкалья [Окладников, 1939, с. 184–185].

В последующие годы исследований, связанных со строительством каскада ГЭС на Ангаре, открыты и изучены такие крупные для нижней Ангары могильники, как Сосновый мыс, Сергушкин-2 и Сергушкин-3, Шаманка, о. Жилой, Карапчанка, на которых зафиксированы погребения как бронзового века, так и эпохи неолита и раннего железа. Стоит отметить, что публикации носят предварительный характер, особое внимание уделяется памятникам палеолита и неолита, информация о захоронениях эпохи бронзы дается в сжатом виде. Это относится, в частности, к комплексам из устья р. Карапчанки [Васильевский, Бурилов, 1971] и могильника Сосновый мыс [Дроздов, 1976; Раскопки древнего могильника ... , 1976].

География и краткая история исследования

В географическом отношении территория исследования занимает нижнее течение р. Ангары с ее правым притоком – р. Илим в ее нижнем и среднем субширотном течении. Собственно очерченная территория в географическом и археологическом отношении является Северным Приангарьем. Вопрос о границе между нижним и средним течением р. Ангары носит дискуссионный характер. А. П. Окладников относил территории от Серовского могильника до Братска к долине Нижней Ангары [Окладников, 1976]. Нами предлагается включить в территорию Северного Приангарья часть участка среднего течения

р. Ангары от г. Братска, где она делает очередной резкий поворот из широтного простирания в субмеридиональный (рис. 1). Этот отрезок реки до Ангаро-Илимского расширения было принято считать границей между Южным и Северным Приангарьем в картографическом, геоморфологическом, палеоландшафтном и геoarхеологическом аспектах [Северное Приангарье ... , 2009]. Тем не менее археологические объекты, зафиксированные на данном участке, по ряду признаков больше тяготеют к территории Северного Приангарья.

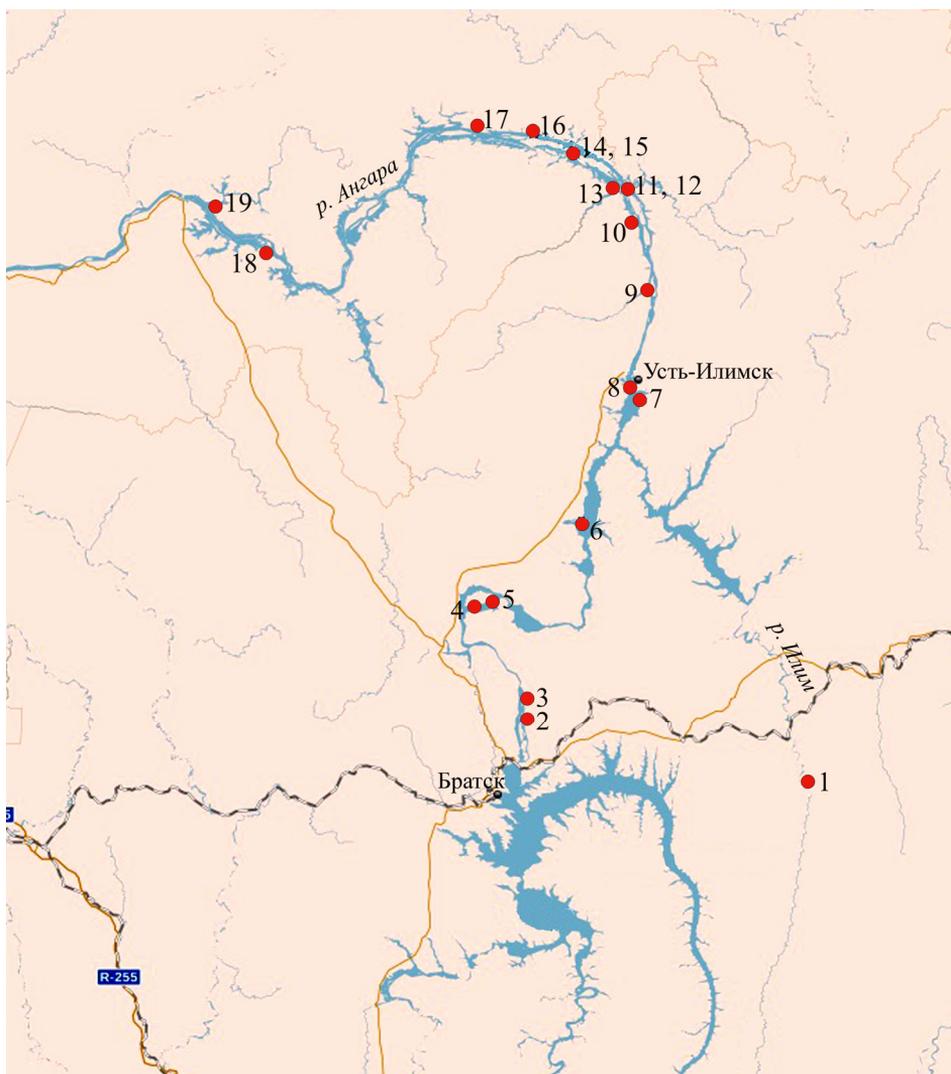


Рис. 1. Карта расположения объектов археологического наследия Северного Приангарья, содержащих погребения бронзового века:

- 1 – Абакшино; 2 – дер. Материковая; 3 – Шаманка; 4 – о. Жилой; 5 – о. Фёдоровский; 6 – Эдучанка; 7 – Карапчанка; 8 – о. Сизовский; 9 – Усть-Тушамы I; 10 – Копка; 11 – Сосновый Мыс; 12 – Сосновый Мыс 2; 13 – Усть-Ёдарма II; 14 – Сергушкин 2; 15 – Сергушкин 3; 16 – Паново 4; 17 – Чирида; 18 – Пашина; 19 – Кода

Первое археологическое исследование Северного Приангарья в научном понимании провел в 1882 г. консерватор Иркутского краеведческого музея Н. И. Витковский. Им же впервые обнаружены остатки разрушенных погребений неолитического облика на стоянке Чадобец [Витковский, 1889].

Крупномасштабные археологические работы в районе Нижней Ангары проведены в 1930-х гг. Ангарской археологической экспедицией под руководством А. П. Окладникова. Зарегистрировано 85 археологических местонахождений, вскрыты погребения на р. Чадобец, в устье р. Карапчанки, на о. Жилом и др. [Окладников, 1938; 1939; 1950; 1952; 1976].

Следующий этап исследований начинается в 1960-х гг. и связан он с началом проектно-изыскательских работ по Усть-Илимской ГЭС, а с 1969 г. – по Богучанской. По итогам этих работ получены значительные результаты: изучена практически вся долина Нижней Ангары и ее главного притока – р. Илим, исследованы памятники, открытые экспедицией А. П. Окладникова и зафиксированы новые, в том числе и объекты, содержащие погребения неолитического и бронзового века [Хороших, 1961; Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980; Васильевский, 1969; 1970; 1971; 1978; Васильевский, Бурилов, 1971; Дроздов, 1974; 1976; Дроздов, Дементьев, 1974; Дроздов, Привалихин 1975; Раскопки древнего могильника ... , 1976; Исследования в Северном Приангарье ... , 1978; Соколов, 1982; 1991; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Васильевский, Березин, Привалихин, 1996; Привалихин, 1998; 2009; 2011; 2013; Лохов, 2009].

С 2007 г. возобновляются прерванные археологические работы в зоне затопления Богучанской ГЭС. В 2008–2012 гг. исследовано более 200 объектов археологического наследия, изучено значительное количество погребений эпохи неолита, палеометалла и средневековья [Грачев, 2010; Рыбин, 2010; 2011; Постнов, 2011; Тимощенко, 2012а, б]. Достаточно оперативно, хотя по-прежнему в сжатом виде, результаты этих раскопок были опубликованы в материалах итоговых сессий ИАЭТ СО РАН [Проблемы археологии ... , 2009; 2010; 2011; 2012].

Материалы

На общем фоне исследований погребальных комплексов бронзового века юга Средней Сибири, материалы Северной Ангары выглядят более чем скромно. Так, на территории Южного Приангарья зафиксировано и изучено свыше 300 захоронений, в то время как на Нижней Ангаре чуть более 40. Однако учитывая тот факт, что территория Северного Приангарья территориально относится к югу Средней Сибири, эти материалы могут быть использованы для уточнения сведений об этнокультурных процессах в целом по региону. Вследствие отсутствия полного описания погребений с рек Карапчанки, Чириды, Копки, дер. Материковой, Соснового мыса (раскопки 1975 г.) и о. Сизовский в настоящей работе эти данные не учитываются (см. рис. 1).

Расположение могильников и отдельных погребений Нижней и Средней Ангары всегда находится в прямой зависимости от реки: все могилы локализируются либо на приустьевых участках, либо на островах в прибрежной части.

На местонахождениях с большим количеством могил (Сергушкин-2, Сергушкин-3, Сосновый мыс, Шаманка) фиксируется их компактное расположение (иногда рядами). В некоторых случаях захоронения отмечены непосредственно на стояночных комплексах (Усть-Ёдарма II, Абакшино и др.) [Дроздов, 1974; Васильевский, 1978; Соколов, 1991; Дударёк, Лохов, 2012]. Характер такого расположения могил пока остается не выясненным.

В рамках настоящего исследования использованы материалы 29 погребений из 13 местонаждений. Отметим, что 17 могил являются в той или иной степени нарушенными ввиду различных антропогенных (в том числе древних) или природных факторов. В табл. 1 представлены количественные показатели и признаки погребального обряда.

Таблица 1

Количественные показатели и некоторые признаки погребального обряда

ОАН	Количество могил	Количество погребенных	Надмогильное сооружение	Ориентировка			Положение костяка в могиле				
				головой вниз по течению реки	В-З	ЮВ-СЗ	вытянуто на спине	на боку с подогнутыми ногами		скорченное на левом боку	не установлено
								на правом	на левом		
Абакшино	1	2	–	1	–	–	–	–	1	–	1
о. Жилой	1	1	1	–	–	1	1	–	–	–	–
Кода 3	1	1	1	1	–	–	–	–	1	–	–
Паново 4	2	2	–	2	–	–	–	–	–	2	–
Сергушкин-2	3	4	3	4	–	–	3	1	–	–	–
Сергушкин-3	5	5	3	5	–	–	–	1	–	3	1
Сосновый мыс	4	5	3	5	–	–	1	3	–	1	–
Сосновый мыс-2	1	1	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Усть-Ёдарма II	1	1	1	1	–	–	–	–	1	–	–
Усть-Тушамы I	1	2	1	–	2	–	2	–	–	–	–
о. Фёдоровский	2	2	2	2	–	–	1	–	1	–	–
Шаманка	6	6	3	6	–	–	–	1	3	1	1
Эдучанка	1	1	1	1	–	–	–	–	–	1	–
Всего	29	33	20	28	2	1	8	6	7	8	4

Как следует из табл. 1, надмогильные сооружения отмечены у большинства захоронений бронзового века. Кладки в плане имели форму вытянутого овала [Васильевский, 1978, с. 149], часто нарушены в результате воздействия природных или антропогенных факторов [Луньков, 2002, с. 82]. В погребении с Усть-Ёдармы II надмогильное сооружение представляло собой правильный круг (рис. 3, 1), а на Сергушкине-2 имело вид почти правильного треугольника [Привалихин, 2011, с. 195]. Внутримогильные конструкции фиксируются в единичных случаях.

Могильные ямы в большинстве случаев не читаются. Объясняется это различными нарушениями вследствие природных факторов либо цветовой однородностью заполнения могильной ямы и окружающих отложений. В зафиксированных случаях пятно имело вид овала или близкой к нему формы.

По количеству скелетов в могиле выделяются одиночные (25) и парные, т. е. одновременные, (4) погребения. Положение костяков различно. Скорченное на боку размещение (эмбриональная поза) (рис. 2, 2) отмечено в раннебронзовых погребениях Верхней Ангары, побережья оз. Байкал, Приольхонья и Забайкалья [Окладников, 1938, 1955; Васильевский, 1978; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008]. Отличительной чертой этой группы погребений является положение костей рук и ног умершего под углом $<90^\circ$ относительно позвоночного столба.

Погребения с согнутыми ногами, где костяки уложены на правый или левый бок (рис. 2, 1, 3) приближаются к скорченному, но не являются таковыми. Отличие их заключается в том, что кости верхних и нижних конечностей располагаются относительно позвоночного столба под углом $\geq 90^\circ$. Некоторые исследователи объединяют эти две группы, что, на наш взгляд, не совсем правильно. Положение умершего в могильной яме является наиболее консервативным элементом погребального обряда и, как правило, несет на себе большую символическую нагрузку. Эта часть обряда является наиболее регламентированной, т. е. каждое отличное помещение костяка в могильную яму вызвано определенными изменениями в мировоззрении древнего населения или особенностями жизни и смерти умершего. В дополнении к последнему тезису можно привести примеры неординарных погребений неолита и бронзового века Байкальского региона, положение костяка в которых не вписывается в общераспространенные традиции [Базалийский, 2006]. Еще одним доказательством является их асинхронное существование. По материалам Прибайкалья погребения с «эмбриональным» положением костяка имеют более древние даты существования в пределах 4500–4200 л. н.

В большинстве могил бронзового века Прибайкалья костяки – вытянутые на спине. К этой же группе может быть отнесено захоронение с о. Фёдоровский, где ноги у погребенного были подогнуты.

В парном захоронении № 1 местонахождения Сергушкин-2 зафиксировано сочетание двух положений костяков, когда женский скелет располагался вытянуто на спине, а мужской – на правом боку с подогнутыми ногами (рис. 2, 4) [Привалихин, 2011, с. 185–187]. Подобное же совмещение отмечено в погребении № 10 могильника Сосновый мыс. В данном случае скелет женщины покоится на спине, ноги развернуты к костяку ребенка, который уложен на правый бок [Тимошенко, 2012а, с. 186].

Следует отметить, что в погребениях № 1–3 местонахождения Сергушкин-2, № 24 – Сергушкин-3, № 1 – Усть-Тушамы I, № 4 – Сосновый мыс у захороненных индивидов отсутствовали черепа (все они, кроме могилы № 1 Сергушкин-2, нарушены в древности). И только в могилах с Сергушкина-2 на месте черепов фиксировались зольники – следы кострища (рис. 2, 4) [Привалихин, 2011, с. 184–202; Герман, 2012, с. 70–71; Тимошенко, 2012а, с. 136].

В погребениях № 4, 5, 10 могильника Сосновый мыс костяки присыпаны охрой. На территории Прибайкалья использование охры характерно для ран-

неолитической китойской традиции погребений, где она встречается в основном в виде сплошной засыпки покойного [Окладников, 1950; Герасимов, Черных, 1975; Георгиевская, 1989; Мамонова, Базалийский, 1991; Базалийский, 2012]. Однако степень и интенсивность окраски охрой в китойских погребениях различна (от полной засыпки до отдельных пятен).

В малом количестве, в виде небольших пятен, охра отмечена в серовских и глазковских захоронениях Приольхонья и Прибайкалья в целом [Окладников, 1950; 1955; Дзюбас, Абдулов, Друлис, 1996; Горюнова, 1997], а также в погребениях архаической традиции Верхоленского могильника [Окладников, 1978]. Сочетание в одной могиле полной засыпки охрой и наличие изделий из металла впервые отмечено Л. П. Зяблиным в 1959 г. на могильнике Улярба (№ 6, 8, 10) [Новиков, 1999; Древние погребения ... , 2004]. Впоследствии подобное сочетание зафиксировано в погребениях № 14–17 могильника Курма XI [Горюнова, Вебер, Новиков, 2012].

Сопроводительный инвентарь, выступающий в качестве одного из критериев при культурной атрибуции погребальных комплексов, обнаружен в большинстве могил бронзового века Северного Приангарья. В пяти захоронениях сопроводительный материал не отмечен, еще в четырех обнаружены лишь кости животных и украшения.

Номенклатурный набор орудий из погребений указан в табл. 2. Представлены изделия из камня, кости и металла.

Рубящие орудия представлены теслами и топорами из нефрита и кремнистых пород камня. Тесла имеют небольшие размеры, трапециевидную или овальную формы. Лезвие выпуклое, гребень в большинстве случаев округлый. Размеры изделий в длину не превышают 8 см [Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980, с. 72, 73; Соколов, 1982, с. 110, 112]. Исключение составляет экземпляр из погребения № 1 могильника Шаманка. Это овальной формы тесло из темно-зеленого нефрита длиной 14,5 и шириной 6 см [Соколов, 1982, с. 110]. Топоров зафиксировано всего два экземпляра. Первый изготовлен из глинистого сланца, имеет трапециевидные очертания, двусторонне выпуклый профиль. Гребень и боковые грани оформлены сколами, лезвие зашлифовано [Там же, с. 113]. У второго экземпляра из темно-зеленого нефрита почти вся поверхность зашлифована. Гребень узкий, закругленный. Лезвие выпуклое, заточено с обеих сторон [Луньков, 2002, с. 82].

Наконечники стрел представлены 78 экземплярами. Выделены следующие группы:

- наконечники подтреугольной формы – 47 экз.;
- наконечники листовидной формы – 25 экз.;
- наконечники ромбической формы – 5 экз.

Размеры изделий варьируют в длину от 2,7 до 8 см, в ширину – от 1,1 до 2 см. Наконечники выполнены из кремня и халцедона, тщательно ретушированы [Васильевский, 1978, с. 150; Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980, с. 72, 73; Соколов, 1982, с. 111, 115; Соколов, 1991, с. 226; Привалихин, 1998, с. 84; Привалихин, 2009, с. 307; Привалихин, 2011, с. 196, 199, 201; Луньков, 2002, с. 82, 83; Герман, 2012, с. 71].

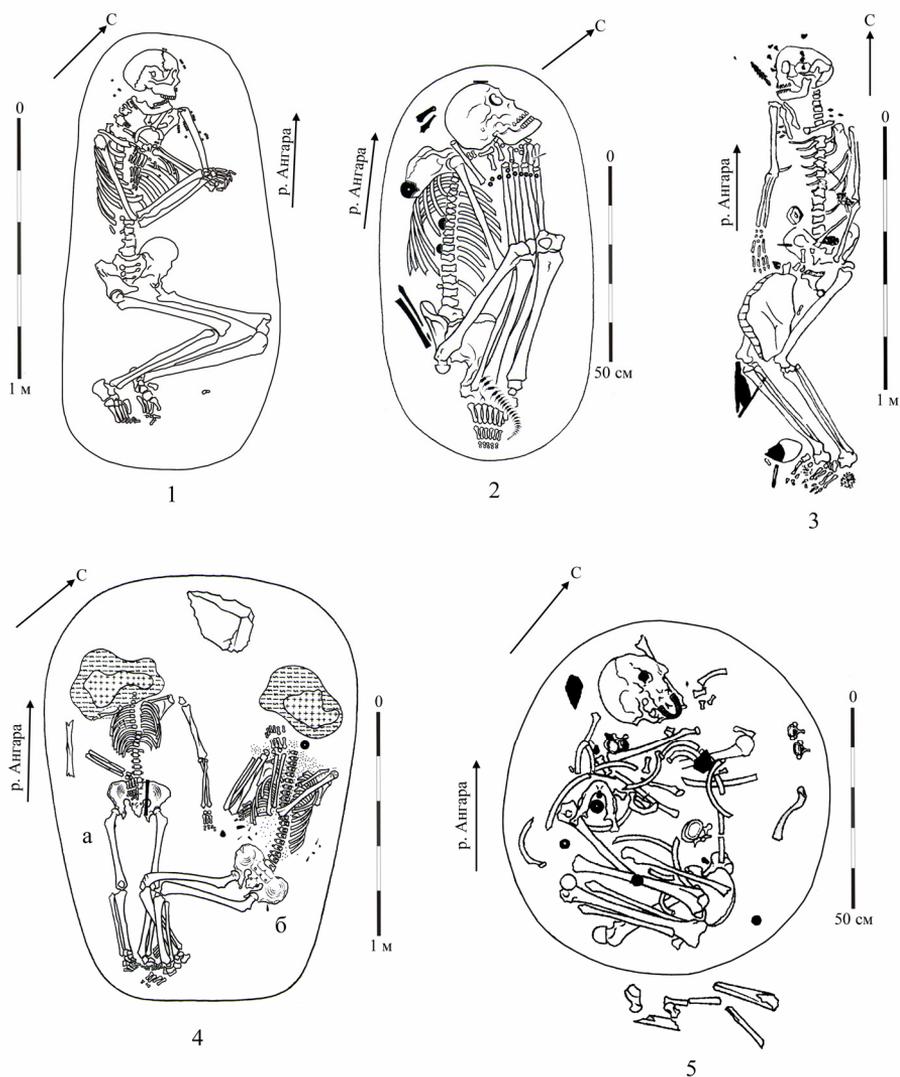


Рис. 2. Варианты расположения костяков

в погребениях бронзового века Северного Приангарья:

- 1 – на левом боку с подогнутыми ногами (Усть-Ёдарма II, погребение № 1);
 2 – скорченное на левом боку (Сергушкин-3, погребение № 1 [Привалихин, 2009, с. 309]); 3 – на правом боку с подогнутыми ногами (Шаманка, погребение № 2 [Соколов, 1982, с. 114]); 4 – парное: а – вытянутое на спине, б – на правом боку с подогнутыми ногами (Сергушкин-2, погребение № 1 [Привалихин, 2011, с. 196]);
 5 – вторичное (Сосновый Мыс-2, погребение № 1 [Привалихин, 1998, с. 82])

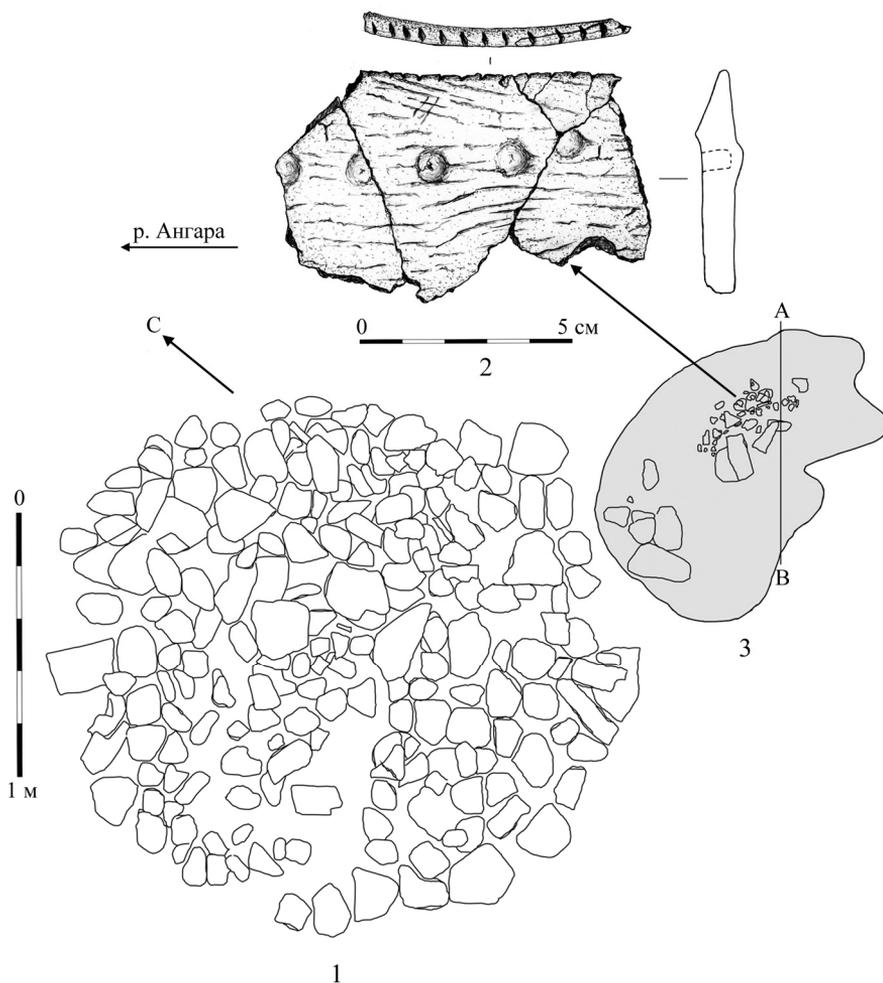


Рис. 3. Усть-Ёдарма II. Погребение № 1:
1 – кладка; 2 – фрагмент керамического сосуда; 3 – кострище № 1

Особого внимания заслуживает экземпляр из погребения № 1 могильника Шаманка. Изделие сложной формы: перо наконечника имеет ромбовидную форму, насад черешковый, отделен от тела наконечника ярко выраженными треугольными плечиками [Соколов, 1982, с. 111].

Крупные листовидные бифасы представлены четырьмя экземплярами. Первый – наконечник копья (погребение № 2, Сергушкин-2) с подтреугольной формой пера и асимметричной скошенной базой. Изготовлен из роговика с использованием технических приемов ударной и отжимной ретуши. Обе плоскости пера наконечника дополнительно пришлифованы, его поперечное сечение – в виде двусторонне выпуклой линзы. Размеры изделия: длина – 8,8 см; ширина в основании пера – 3,9 см; толщина – 0,6 см [Привалихин, 2011, с. 199].

ОАН, год, № погребения	Камень									Кость							Изделия из ме- талла	Керамика (фр.)		
	тесло	топор	наконечники стрел	нож	наконечник копья	абразив	галька	вкладыши	пластины	отщепы	проколка	игла	игольник	наконечник копья	острия	наконечник гаргуна			наконечники стрел	вкладышевый кинжал
Сергушкин-3 1978 г. № 2	-	-	-	-	-	-	125	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Сергушкин-3 1978 г. № 3	-	-	1	-	-	-	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сергушкин-3 1984 г. № 5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1	2	1	-	-	-	-	-	-	24
Сергушкин-3 2010 г. № 17	-	-	-	-	-	-	30	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	31
Сергушкин-3 2011 г. № 24	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	2	5
Сосновый мыс 2011 г. № 4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сосновый мыс 2011 г. № 5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сосновый мыс 2011 г. № 10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сосновый мыс-2 1982 г. № 1	-	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	23
Усть-Ёдарма II 2011 г. № 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13
Усть-Тушама I 2012 г. № 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

ОАН, год, № погребения	Камень										Кость							Изделия из ме- талла	Керамика (фр.)	
	тесло	топор	наконечники стрел	нож	наконечник копья	абразив	галька	вкладыши	пластины	отщепы	проколка	игла	игольник	наконечник копья	острия	наконечник гарпуна	наконечники стрел			вкладышевый кинжал
о. Фёдоровский 1970 г. № 1	2	–	1	1	1	–	–	1	–	2	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
о. Фёдоровский 1970 г. № 2	1	–	20	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–
Шаманка 1978 г. № 1	5	1	18	1	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	?
Шаманка 1978 г. № 2	–	–	4	2	1	–	–	–	–	–	1	2	1	–	1	2	–	–	–	–
Шаманка 1996 г. № 2	–	–	–	2	–	1	–	–	–	–	–	2	1	–	5	–	–	–	–	–
Шаманка 1996 г. № 3	–	1	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Шаманка 1996 г. № 4	–	–	4	1	–	–	–	6	3	12	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Шаманка 1996 г. № 7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Эдучанка 1969 г. № 1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего	8	2	78	10	4	1	230	13	3	18	3	11	6	2	7	10	2	1	3	>106

Второй наконечник копья удлинённо-листовидной формы изготовлен из голубоватого халцедона (погребение № 2, Шаманка). Оба фаса обработаны плоской стелющейся ретушью. База слегка скошена. Размеры изделия – 9,5×3,5 см [Соколов, 1982, с. 115].

Наконечник копья ромбовидной формы (погребение № 1, Сосновый мыс-2) изготовлен из кремнистой породы. Перо обработано с обеих сторон. Размеры изделия: 8×4,2×0,8 см [Привалихин, 1998, с. 84].

Последний бифас из серого кремня имеет листовидную форму. Более выпуклая сторона заужена и оформлена в виде насада. Размеры: 12×3,8 см [Соколов, 1982, с. 115].

Ножей зафиксировано 10 экземпляров [Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980, с. 72; Соколов, 1982, с. 112, 113, 115; Луньков, 2002, с. 81–83; Славинский, 2011, с. 124]. Изделия можно разделить на 3 группы:

- крупные листовидные, бифасиально обработанные;
- небольшого размера полулунных очертаний с двусторонней заточкой лезвия;
- ножи на крупных отщепах подтреугольной формы.

Ножевидные вкладыши представлены 13 экземплярами двусторонне ретушированных пластин сегментовидной и трапециевидной форм [Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980, с. 72; Соколов, 1982, с. 110; Луньков, 2002, с. 83; Привалихин, 2011, с. 196, 199].

Изделия из кости представлены типичными для бронзового века Прибайкалья игольниками из трубчатых костей птиц, иглами с просверленными ушками, лоцилом «глазковского» типа, наконечниками гарпунов и остриями из грифельной кости крупного животного.

Наконечники стрел представлены двумя экземплярами. Первый – листовидной формы, расширенный и утолщенный в средней части, с четырехгранным острием. Сечение удлинённо-ромбовидное, насад длинный, расщепленный. У второго экземпляра форма – удлинённо-треугольная. Тело изделия узкое, с четко выраженными гранями. Насад также расщеплен [Соколов, 1991, с. 227].

Наконечники гарпунов представлены 11 экземплярами. Два наконечника, зафиксированные на Шаманке, одинаковые по морфологии, различаются только размерами. Изделия двусторонние, с асимметричным расположением зубцов. Насад клиновидный, заovalенный в нижней части, плечики выражены слабо [Соколов, 1982, с. 116]. Семь экземпляров из Абакшино [Соколов, 1991, с. 226–228] можно разделить на два типа:

- наконечники гарпунов с симметричным расположением зубцов и двусторонним стопор-линем;
- второй вариант отличается наличием одного стопор-линия.

На могильнике Сосновый мыс в погребении № 1 зафиксирован односторонний гарпун [Дроздов, Привалихин 1975, с. 204]. Еще один морфологически не диагностируемый фрагмент гарпуна найден в захоронении на о. Фёдоровском [Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980, с. 72].

Игольники изготовлены из трубчатых костей птиц. Один из них орнаментирован (погребение № 1, Сергушкин-2) [Привалихин, 2011, с. 196]. В могилах на Шаманке (№ 2 1978 г. и № 2 1996 г.) и Сергушкин-3 (№ 5) в игольниках обнаружены костяные иглы с просверленными ушками [Соколов, 1982, с. 105; Луньков, 2002, с. 81; Привалихин, 2009, с. 309].

В ряде погребений также встречены *шилья* из грифельных костей лося – 3 экземпляра [Васильевский, 1978, с. 150; Соколов, 1982, с. 116; Привалихин, 2009, с. 309]. На могильнике Шаманка (№ 2 1978 г.) найдено ложило. Это кинжаловидное плоское острие, изготовленное из трубчатой кости и сохраняющее на одной стороне естественный желобок. Боковые края симметрично заточены с обеих сторон. Нижний конец представляет собой довольно широкое лезвие. У основания суживается, тем самым образуя рукоять. Поверхность орудия тщательно зашлифована [Соколов, 1982, с. 116].

В погребении № 1 с местонахождения Паново 4 зафиксирован единственный экземпляр *вкладышевого кинжала*. Изделие имеет листовидную форму, клинок скошен. Кинжал сохраняет естественный желобок трубчатой кости, из которой он был изготовлен. В районе насада имеется овальное отверстие для крепления рукояти [Славинский, 2011, с. 124]. Нужно отметить, что нахождение вкладышевых кинжалов в погребениях бронзового века Прибайкалья исключительно редко, известно только несколько таких случаев (Подострожное, № 4 и Улярба, № 16) [Окладников, 1955, с. 74; Древние погребения ... , 2004, с. 27].

В пановском погребении также найден бронзовый кинжал в чехле из бересты. Изделие имеет листовидную форму, клинок симметричный, лезвие оформлено с двух сторон. В поперечном сечении кинжал имеет уплощено ромбовидные очертания [Славинский, 2011, с. 124].

Помимо кинжала из бронзы хорошо определимых орудий из металла найдено не было. Так, например, в погребении № 24 с Сергушкина-3 обнаружены фрагменты сильно окислившихся металлических изделий с остатками дерева. Из-за большой коррозии их функциональное назначение определить затруднительно [Герман, 2012, с. 71].

Фрагменты керамических сосудов обнаружены в десяти погребениях. Керамика располагалась в заполнении могильных ям, в надмогильном сооружении или фиксировалась в комплексах, связанных с захоронениями. На Усть-Ёдарме II в непосредственной близости от могилы было найдено кострище (рис. 3, 3), в котором находились фрагменты керамического сосуда со следами выбивки внешней поверхности «рубчатой лопаткой» и поясом «жемчужин» по борту венчика (рис. 3, 2) [Дударёк, Лохов, 2012, с. 90]. Аналогичная керамика обнаружена в разрушенном погребении № 17 могильника Сергушкин-3 [Герман, 2012, с. 30]. Здесь же в могиле № 5 был найден керамический сосуд «дымокур», изготовленный в той же технике выколачивания внешней стороны «рубчатой лопаткой» [Привалихин, 2009, с. 302]. На могильнике Сосновый мыс-2 отмечены 23 фрагмента гладкостенного сосуда с округлыми ямочками по борту венчика [Привалихин, 1998, с. 74]. В остальных погребальных комплексах найдены единичные фрагменты керамических сосудов: гладкостен-

ные, шнуровые и со следами «рубчатой лопатки» [Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980, с. 72; Привалихин, 2011, с. 201; Герман, 2012, с. 71].

Не вся керамика, найденная при раскрытии могилы, имеет прямое отношение к захороненному индивиду. Часть фрагментов сосудов может попадать в засыпку из более ранних культуросодержащих отложений при копке могильной ямы. Таким образом, в качестве сопроводительного инвентаря керамика может рассматриваться только, когда зафиксирована непосредственно при костяке и, желательно, в археологически полном виде.

Украшения представлены дисками и кольцами из белого и светло-зеленого нефрита, мраморовидного кальцита, подвесками из зубов марала, костяными бисеринами, изделиями из металла (табл. 3).

Таблица 3

Сопроводительный инвентарь погребений. Украшения

ОАН, год, № погребения	Диски	Кольца	Бусины	Подвеска из зуба марала	Подвеска из зуба медведя	Подвески из резца бобра	Антропоморфное изображение из кости	Клык кабана	Украшение из металла
Абакшино 1980 г. № 1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
о. Жилой 1970 г. № 1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Кода 3 1969 г. № 1	–	–	–	–	–	–	2	–	–
Паново 4 2010 г. № 1	–	1	372	–	1	–	–	–	1
Паново 4 2010 г. № 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Сергушкин-2 1979 г. № 1 (1)*	–	–	115	–	–	2	–	–	1
Сергушкин-2 1979 г. № 1 (2)	1	–	658	–	–	–	–	–	–
Сергушкин-2 1979 г. № 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Сергушкин-2 1980 г. № 3	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Сергушкин-3 1978 г. № 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Сергушкин-3 1978 г. № 3	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Сергушкин-3 1984 г. № 5	3	1	13	–	–	–	–	–	–

Окончание табл. 3

ОАН, год, № погребения	Диски	Кольца	Бусины	Подвеска из зуба марала	Подвеска из зуба медведя	Подвески из реза бобра	Антропоморфное изображение из кости	Клык кабана	Украшение из металла
Сергушкин-3 2010 г. № 17	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сергушкин-3 2011 г. № 24	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сосновый мыс 1974 № 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сосновый мыс 2011 г. № 4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сосновый мыс 2011 г. № 5	2	-	-	-	-	-	-	-	-
Сосновый мыс 2011 г. № 10	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сосновый мыс-2 1982 г. № 1	3	1	-	22	-	-	-	-	-
Усть-Ёдарма II 2011 г. № 1	-	-	243	-	-	-	-	-	-
Усть-Тушама I 2012 г. № 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
о. Фёдоровский 1970 г. № 1	-	-	-	-	-	-	-	1	-
о. Фёдоровский 1970 г. № 2	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Шаманка 1978 г. № 1	-	-	3	-	-	-	-	-	-
Шаманка 1978 г. № 2	1**	-	-	10	-	-	-	-	-
Шаманка 1996 г. № 2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Шаманка 1996 г. № 3	1	-	-	-	-	-	2	-	-
Шаманка 1996 г. № 4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Шаманка 1996 г. № 7	-	-	-	18	-	-	-	-	-
Эдучанка 1969 г. № 1	-	-	-	9	-	1	-	-	-
Всего	12	3	1404	59	1	3	4	2	3

* В скобках указан номер костяка в погребении.

** К дискам отнесено изделие квадратной формы с биконическим отверстием и с округленными углами.

Диски представлены 12 экземплярами [Васильевский, Бурилов, Седакина, 1980, с. 58; Привалихин, 1998, с. 84; 2011, с. 196; Луньков, 2002, с. 82], два из них сделаны из нефрита, остальные из мраморовидного кальцита. Изделия представляют собой хорошо прошлифованные круги с просверленным биконическим отверстием посередине. Кольца представлены тремя экземплярами [Привалихин, 1998, с. 84; Славинский, 2011, с. 124], одно из белого нефрита [Привалихин, 2009, с. 309]. Нужно отметить редкость украшений и орудий из этого полудрагоценного минерала на территории Северного Приангарья. Единичные изделия встречены в материалах погребальных и стояночных комплексов. Многие исследователи объясняют это удаленностью Нижней и Средней Ангары от коренных месторождений нефрита [Окладников, 1955; Привалихин, 2011].

Особый интерес представляет расположение дисков из мраморовидного кальцита в могиле № 5 с Соснового мыса. Они зафиксированы в глазницах черепа мужчины 50–60 лет, положенного к костяку женщины 25–30 лет. Других костей мужского скелета в захоронении не отмечено [Тимошенко, 2012а, с. 137].

В погребении № 2 на Шаманке найдено изделие из кальцита квадратных очертаний с просверленным биконическим отверстием в середине. Угловые грани изделия округлены. В целом здесь использованы те же технические приемы, что и при производстве дисков – шлифование, сверление, однако данное изделие имеет большую толщину [Соколов, 1982, с. 105].

Подвески из зубов животных, зафиксированные в восьми погребениях, имеют по одному (реже два) просверленному отверстию для крепления [Привалихин, 1998, с. 84; Соколов, 1982, с. 104; Луньков, 2002, с. 76]. Например, на местонахождении Паново 4 (могила № 1) найдена подвеска из клыка медведя с просверленным отверстием [Славинский, 2011, с. 123–124].

Антропоморфные изображения из бивня мамонта найдены в двух погребениях на могильниках Кода 3 [Дроздов, 1974] и Шаманка [Луньков, 2002]. Фигурки располагались под костями скелета попарно, лицевой стороной вниз. Статуэтки ориентированы вдоль длинной оси могил, головой вниз по течению реки, как и погребенные. С. В. Студзицкая подразделила подобные изделия из захоронений Прибайкалья на две группы: первая группа – полные в рост изображения человека в фас, с тщательной моделировкой лица; вторую группу составляют костяные и роговые стерженьки, заканчивающиеся схематически переданными человеческими лицами [Студзицкая, 1970, с. 19]. Это разделение основывается как на типологических различиях антропоморфных изображений, так и в хронологическом отношении: первая группа изделий относится к глазковской культуре Прибайкалья, а вторая – к китойской [Студзицкая, 1970, с. 23, 27]. Две статуэтки из кодинского погребения внешне сильно отличаются от двух фигурок из могилы на Шаманке. Они более стилизованы и внешне приближаются к неолитическим предметам мелкой пластики. Вторая пара изображений находит больше аналогий в памятниках Прибайкалья, например Усть-Удинского могильника, Братского камня, Шумилихи [Студзицкая, 1970; 1981; Горюнова, 2002].

Бисер встречен в шести погребениях [Соколов, 1982, с. 110; Привалихин, 2009, с. 309; 2011, с. 196, 197; Славинский, 2011, с. 124; Дударёк, Лохов, 2012, с. 90]. Бисерины изготовлены из кости (Сергушкин-2, № 1) и из мраморовидного кальцита. Представляют собой цилиндрической формы изделия с просверленным посередине отверстием. Размеры их достаточно малы – 2–3 мм в диаметре и 1–2 мм толщиной. Интересна находка 13 бусин из мраморовидного кальцита из погребения № 5 на могильнике Сергушкин-3. Они в миниатюре повторяют форму дисков из нефрита и кальцита, зафиксированных здесь же. Детальную реконструкцию украшения из бисера и медной бусины провел В. И. Привалихин в публикации погребальных материалов с о. Сергушкин [Привалихин, 2011, с. 186, 197].

Украшения из металла представлены тремя экземплярами. Фрагмент кольца размером 8,5 см из могилы № 1 на Паново 4 располагался на шейных позвонках погребенного [Славинский, 2011, с. 124]. Две бусины (Сергушкин-2, № 1 и № 3) изготовлены из меди/бронзы. Представляют собой небольшие пластинки, скатанные в трубочку [Привалихин, 2011, с. 197, 201].

Фаунистические остатки представлены костями лося, косули. В двух погребениях зафиксированы крупные позвонки пресноводной рыбы [Васильевский, Бурилов, Седакина, 1980, с. 58, 72; Соколов, 1991, с. 225; Привалихин, 2009, с. 309; Славинский, 2011, с. 124].

Обсуждение

Представленные в настоящей статье сведения сравнивались исследователями с материалами глазковской погребальной традиции Прибайкалья. Собственно говоря, это был наиболее легкий способ культурно-исторической атрибуции вновь выявленных комплексов и определения их хронологической позиции внутри периодизационной схемы Прибайкалья. Однако чтобы подтвердить такое определение, нужно разобраться в сходствах и различиях погребального обряда Северного Приангарья и Прибайкалья.

Сравнение погребений следует начинать с надмогильных сооружений. Сама по себе такая конструкция выполняет несколько функций: во-первых, выделяет могилу из окружающей среды, тем самым подчеркивая, вероятно, ее культовую значимость; во-вторых, в зависимости от своей формы ассоциируется с различными постройками (дом, чум, лодка и т. д.); в-третьих, выполняет чисто практическую цель – защиту от влияния окружающей среды и разрушений вследствие природных факторов или диких животных. Естественно, что этими определениями функции надмогильных сооружений не исчерпываются. В памятниках глазковской погребальной традиции надмогильная конструкция зачастую играла большую роль. Как отмечал А. П. Окладников, каменные кладки могил были в некоторых случаях лодкообразного типа [Окладников, 1955, с. 307]. Зачастую же сооружения имели удлиненно-овальную форму. На территории Нижней и Средней Ангары сохранившиеся каменные выкладки имели преимущественно овальную или близкую к ней форму. Они представляли собой сплошные вымостки из плит

и крупных речных галек. Внутримогильные конструкции не выражены, зафиксировано нахождение единичных камней и плит.

Могильная яма имеет большое значение, скорее, в практическом смысле, чем в культовом, хотя есть и другие мнения на этот счет. В некоторых случаях ее форма напрямую зависит от природных условий (в зимнее время года сооружение могильной ямы вызывает большие затруднения). В североангарских погребениях, равно как и в прибайкальских, могильная яма имеет форму вытянутого овала, что является собой самый простой способ ее организации при расположении костяка в вытянутом или скорченном состоянии. В других случаях – вторичные погребения и трупосожжение – ямы имели округлую форму.

Ориентировка могилы зависит от ряда причин – будь то расположение относительно сторон света или какого-либо природного объекта. В этом отношении погребения Северной Ангары (за редким исключением) сориентированы по реке головой вниз по течению, что соответствует и захоронениям бронзового века на территории Прибайкалья.

Положение останков погребенного в могиле во все времена играло весьма значимую роль, а иногда являлось поводом к выделению отдельных групп захоронений в хронологическом и культурном аспекте. Так произошло и с погребениями бронзового века Прибайкалья. Основываясь, в том числе, и на положении костяка, в рамках одной культурно-исторической общности были выделены шумилихинская, глазковская, шиверская, мухорская и другие группы погребений [Окладников, 1955; Горюнова, 2002; Туркин, Харинский, 2004; Емельянова, 2012].

Сопоставляя материалы Северного Приангарья с Прибайкальем, сохраняется тенденция к хронологическому дифференцированию захоронений, основываясь на положении скелета в могильной яме. Исходя из этого, можно выделить несколько групп погребений, различающихся хронологически:

- скорченные на левом боку (рис. 2, 2);
- на левом или правом боку с подогнутыми ногами (рис. 2, 1, 3);
- вытянутые на спине (рис. 2, 4а);
- вторичные (рис. 2, 5);
- с трупосожжением.

Сопроводительный инвентарь погребений играет очень важную роль в определении статуса умершего человека. Основываясь на этом критерии, исследователи выделяют «бедные» и «богатые» могилы. По большому счету, такое подразделение носит субъективный характер. Так, исходя из этого определения, могилы Северного Приангарья относятся к категории «бедных», что вряд ли соответствует действительности. Характеризуя votивный инвентарь, нужно сказать, что он имеет общие черты с прибайкальскими материалами. Однако есть и свои особенности.

Анализируя данные, представленные в табл. 2, можно сделать вывод, что для населения бронзового века Северной Ангары в хозяйственном отношении охота играла большую роль, чем рыболовство. Однако по имеющимся данным со стояночных комплексов (Усть-Ёдарма II, о. Лиственичный, Усть-Кеуль I) в культуросодержащих горизонтах позднего неолита – бронзового века фикси-

руется значительное количество остатков ихтиофауны. В видовом составе отмечено преобладание крупных рыб – осетровые, щука, налим [Роговской, Кузнецов, Попов, 2012; Мамонтов, Новосельцева, Соколова, 2013; Мамонтов, Лохов, 2013]. Все эти факты говорят о том, что для населения Нижней Ангары в рассматриваемый временной промежуток охота и рыболовство являлись равносоставляющими элементами в хозяйственной деятельности.

Это указывает на некоторое различие в хозяйстве древнего населения Северной Ангары по сравнению с Южным Приангарьем, и особенно с материалами побережья оз. Байкал, где рыболовство играло ведущую роль в жизни человека раннего бронзового века. Еще одним отличием является малое количество (в номенклатурном отношении) сопроводительного инвентаря. Так, в североангарских захоронениях не зафиксированы (или отмечены единичными экземплярами) многие типы изделий из кости и камня: ложки, составные и цельновырезанные рыболовные крючки, лощила, предметы мелкой пластики, тесла, скребки, ножи и др.

В построении периодизации погребальных комплексов Северного Приангарья нужно учитывать опыт и наработки по данной проблематике для сопредельных территорий, в первую очередь Прибайкалья, Канско-Рыбинской котловины и Красноярской лесостепи.

Проблема хронологии и периодизации бронзового века Прибайкалья не раз обсуждалась, предлагались различные мнения [Окладников, 1950, 1955; Герасимов, 1955; Бронзовый век Приангарья ... , 1981; Хлобыстин, 1987; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Горюнова, 2002; Туркин, Харинский, 2004]. На настоящий момент по материалам Прибайкалья периодизационная схема погребальных комплексов бронзового века выглядит следующим образом: к раннему периоду отнесены погребения со скорченным на боку положением костяка с датами 4450–4280 л. н. и с вытянутым на спине скелетом в хронологическом диапазоне 4040–3645 л. н. Для вторичных захоронений и трупосожжений хронологические рамки пока не установлены [Бронзовый век Приангарья ... , 1981; Тютрин, 1998; Горюнова, 2002; Древние погребения ... , 2004]. Поздний бронзовый век характеризуется проникновением носителей скотоводческой традиции из Забайкалья и распространением культуры плиточных могил [Туркин, 2003, с. 4].

В этой связи возникает целый ряд проблем: во-первых, практически полное отсутствие радиоуглеродных дат для североангарских погребений; во-вторых, малое количество многослойных объектов с четкой стратификацией культуросодержащих отложений, в особенности датированных бронзовым веком. Следует отметить, что все погребения, отнесенные к периоду бронзы, были выделены преимущественно по аналогиям с прибайкальскими материалами.

В. И. Привалихин в своей статье «Исследование погребений раннего бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-2 в Северном Приангарье» приводит предварительное подразделение бронзового века территории на два хронологических этапа: раннего (развитого) и позднего бронзового века в рамках одной археологической культуры, родственной глазковской культуре Прибайкалья. К раннему периоду он отнес погребения с вытянутым на спине

и на правом боку скелетами, к позднему – скорченные на левом боку костяки и вторичные захоронения [Привалихин, 2011].

В связи с тем, что возраст прибайкальских погребений подтвержден серией радиоуглеродных дат в отличие от североангарских, то приведенная В. И. Привалихиным периодизация вызывает большие сомнения.

Анализируя материалы погребальных комплексов Северного Приангарья можно сделать вывод о том, что данные захоронения соотносятся с материалами раннего бронзового века Прибайкалья и могут датироваться хронологическим отрезком 4,5–3,5 тыс. лет назад. Таким образом, создается хронологический разрыв в 600 лет (3,4–2,8 тыс. лет назад) между этой группой погребений и цэпаньской культурой, которая маркирует верхнюю границу между ранним железным и поздним бронзовым веком. Однако стоит предположить, что на данной территории родственные прибайкальцам группы населения могли существовать вплоть до рубежа II–I тыс. до н. э. Достаточная удаленность Северного Приангарья от основных путей миграций древних обитателей степей, которые оказали сильнейшее влияние на культуру позднего бронзового века Прибайкалья, а также более суровые природные условия, позволяют склоняться в сторону этой гипотезы.

Исследования, проведенные в последние годы на территории Прибайкалья и Северного Приангарья, показали тенденцию к удревнению ранее выделенных культурно-исторических общностей [Мамонова, Сулержицкий, 1989; Туркин, Харинский, 2004; Базалийский, 2012; Гаркуша, Марченко, Гришин, 2013]. Так, погребение № 4 цэпаньского облика со стоянки Пашина имеет радиоуглеродную дату 3040 ± 120 л. н., соответствующую заключительному периоду бронзового века Байкальского региона [Гаркуша, Марченко, Гришин, 2013, с. 193]. Авторами раскопок справедливо отмечен тот факт, что до сих пор остается ненаполненным фактическими данными переходный этап от бронзового к раннему железному веку. Исходя из этого следует предположить, что цэпаньская культура начала свое формирование в конце позднего бронзового века.

Пути решения сложившейся проблемы мы видим в уточнении хронологии бронзового и раннего железного века путем использования естественно-научных методов датирования, а также комплексного анализа всего массива погребальных комплексов обоих периодов древней истории Северного Приангарья.

Заключение

На данном этапе исследований хронологические и хронометрические аспекты погребальных комплексов бронзового века Северного Приангарья остаются в ранге дискуссионных вопросов. Можно лишь выдвинуть предположение о взаимном существовании погребений с положением умершего на правом боку и вытянутым на спине, что собственно и было зафиксировано на местонахождениях Сергушкин-2 (№ 1) и Сосновый мыс (№ 10).

Ранее вопрос о культурной принадлежности североангарских погребений в целом не вызывал споров. Еще А. П. Окладников указывал на близость и родственность могил бронзового века Нижней Ангары глазковским памят-

никам Прибайкалья. Им же высказывалось предположение о выделении местного варианта этой культуры [Окладников, 1955, с. 12]. В предварительных публикациях материалов 1970–1980 гг. XX в. эта мысль поддерживалась авторами раскопок.

По нашему мнению, на данный момент генезис североангарских племен бронзового века пока остается неясным. Можно выделить два пути их формирования: местный на основе постепенной эволюции неолитических культур и путем миграций части населения из Прибайкалья, Красноярской лесостепи, Якутии и Канско-Рыбинской котловины. В связи с этим мы не можем уверенно говорить о культурном тождестве североангарских и прибайкальских племен в эпоху бронзового века

В целом исследуемые погребальные комплексы имеют много общих черт с материалами раннего бронзового века Байкальской Сибири. Однако, как уже отмечалось, сопроводительный инвентарь погребений более беден как в номенклатурном, так и в количественном отношении. Также он имеет скорее охотничий, чем рыболовецкий характер, в отличие от синхронных им погребений Прибайкалья.

Рассматривая данные по погребальным комплексам суммарно, можно выделить несколько основных черт ритуала захоронений бронзового века Северного Приангарья:

- наличие надмогильных сооружений удлиненно-овальной формы;
- ориентировка погребенных параллельно реке, головой вниз по течению;
- положение костяков в скорченной позе на боку, вытянутое на спине и на правом/левом боку с подогнутыми ногами, вторичные погребения и трупопосожжение;
- наличие в сопроводительном инвентаре каменных наконечников стрел удлиненно-треугольной/листовидной формы, тесел небольших размеров с округленным гребнем и выпуклым лезвием, костяных наконечников гарпунов, дисков и колец из нефрита светлых тонов и мраморовидного кальцита, антропоморфных изображений из кости.

Не исключено, что в будущем появятся новые данные по погребениям Северной Ангары, которые позволят уточнить и дополнить имеющиеся сведения по бронзовому веку исследуемой территории.

Список литературы

Базалийский В. И. «Неординарные» погребения в позднем мезолите – раннем неолите Байкальской Сибири / В. И. Базалийский // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 17–21.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст / В. И. Базалийский // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха : сб. науч. тр. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1981. – 108 с.

Васильевский Р. С. Археологические исследования в зоне Усть-Илимской ГЭС в 1970 г. / Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов, Е. Ф. Седякина // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). – Новосибирск, 1980. – С. 53–75.

Васильевский Р. С. Стоянка и могильник Капонир / Р. С. Васильевский, Д. Ю. Березин, В. И. Привалихин // Гуманит. науки в Сибири. Сер. : Археология и этнография. – Новосибирск, 1996. – № 3. – С. 32–39.

Васильевский Р. С. Археологические исследования в 1968 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС / Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск, 1971. – Вып. 2. – С. 202–284.

Васильевский Р. С. Археологические исследования в зоне строительства и затопления Усть-Илимской ГЭС в 1969 году / Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1972. – Ч. 1. – С. 67–124.

Васильевский Р. С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967–1974 гг.) / Р. С. Васильевский // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск, 1978. – С. 131–150.

Васильевский Р. С. Археологические памятники Северного Приангарья / Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов, Н. И. Дроздов. – Новосибирск : Наука, 1988. – 225 с.

Васильевский Р. С. Исследования в долине Ангары / Р. С. Васильевский // Археологические открытия 1970 года. – М. : Наука, 1971. – С. 189–191.

Васильевский Р. С. Исследования в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС / Р. С. Васильевский // Археологические открытия 1968 года. – М., 1969. – С. 204–206.

Васильевский Р. С. К итогам работ Илимского археологического отряда в 1967–1969 гг. / Р. С. Васильевский // Изв. СО АН СССР. Сер. Обществ. наук. – 1970. – № 11, вып. 3. – С. 22–28.

Витковский Н. И. Следы каменного века в долине р. Ангары / Н. И. Витковский // Изв. ВСОРГО. – 1889. – Т. 20, № 1. – С. 1–42.

Гаркуша Ю. Н. Погребения на стоянке Пашина (Северное Приангарье): проблемы определения хронологической и культурной принадлежности / Ю. Н. Гаркуша, Ж. В. Марченко, А. Е. Гришин // Вестн. НГУ. Сер. : История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7. – С. 186–197.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья / Г. М. Георгиевская. – Новосибирск : Наука, 1989. – 152 с.

Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу современного и ископаемого человека / М. М. Герасимов. – М. : АН СССР, 1955. – 504 с. – (Тр. / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – Т. 28).

Герасимов М. М. Раскопки Фофановского могильника в 1959 году / М. М. Герасимов, Е. Н. Черных // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 23–48.

Герман П. В. Об археологических исследованиях (раскопках) на территории памятников археологии Сергушкин 1, 3 и Взвоз Кежемского района Красноярского края в 2011 году : отчет / П. В. Герман. – Новосибирск, 2012. – Т. 1. – 148 с.

Горюнова О. И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век) / О. И. Горюнова. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002. – 83 с.

Горюнова О. И. К вопросу о сидячих погребениях в Прибайкалье / О. И. Горюнова // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1975. – Вып. 3. – С. 171–175.

Горюнова О. И. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI / О. И. Горюнова, А. В. Вебер, А. Г. Новиков. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 271 с.

Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал) / О. И. Горюнова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Грачев И. А. О раскопках на многослойной стоянке Окуневка в Кежемском районе Красноярского края в 2010 году : отчет / И. А. Грачев. – Новосибирск, 2010. – 4 т. – 1430 с.

Дзюбас С. А. Погребение с зооморфными изображениями из Усть-Илирского могильника / С. А. Дзюбас, Т. А. Абдулов, М. В. Друлис // Археологическое наследие Байкальской Сибири : изучение, охрана и использование. – Иркутск, 1996. – Вып. 1. – С. 47–56.

Древние погребения могильника Улярба на Байкале / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Л. П. Зяблин, В. И. Смотрова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 88 с.

Дроздов Н. И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре / Н. И. Дроздов, Д. И. Дементьев // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 204–228.

Дроздов Н. И. Кодинское погребение с антропоморфными фигурками из бивня мамонта / Н. И. Дроздов // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 229–236.

Дроздов Н. И. Разведки на Средней Ангаре / Н. И. Дроздов, В. И. Привалихин // Археологические открытия 1974 года. – М., 1975. – С. 203–204.

Дроздов Н. И. Северо-Ангарская экспедиция / Н. И. Дроздов // Археологические открытия 1975 года. – М. : Наука, 1976. – С. 237.

Дударёк С. П. Погребение бронзового века с многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье / С. П. Дударёк, Д. Н. Лохов // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск, 2012. – С. 89–90.

Емельянова Ю. А. Ранний бронзовый век Прибайкалья / Ю. А. Емельянова // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор, 2012. – Т. 1. – С. 164–171.

Исследования в Северном Приангарье / Н. И. Дроздов, В. Н. Королева, А. М. Пашинов, В. И. Привалихин // Археологические открытия 1977 года. – М., 1978. – С. 226–227.

Лбова Л. В. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья / Л. В. Лбова, Е. Д. Жамбалтарова, В. П. Конев. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 248 с.

Лохов Д. Н. Многослойное местонахождение Абакшино в верхнем течении Илима / Д. Н. Лохов // Вестн. НГУ. Сер. : История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 5. – С. 109–115.

Луньков А. В. Могильник в устье реки Шаманки (Северное Приангарье) / А. В. Луньков // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск, 2002. – Вып. 2. – С. 74–84.

Мамонова Н. Н. Могильник «Локомотив». Некоторые биологические и демографические особенности населения китойской культуры (по материалам раскопок 1980–1984 годов) / Н. Н. Мамонова, В. И. Базалийский // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск, 1991. – С. 93–109, 205–206.

Мамонова Н. Н. Опыт датирования по ¹⁴C погребений Прибайкалья эпохи голоцена / Н. Н. Мамонова, Л. Д. Сулержицкий // СА. – 1989. – № 1. – С. 19–32.

Мамонтов А. М. Видовой состав рыб из голоценовых комплексов геoarхеологического местонахождения Усть-Кеуль I (в зоне затопления Богучанской ГЭС) / А. М. Мамонтов, В. М. Новосельцева, Н. Б. Соколова // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск, 2013. – Вып. 2. – С. 134–139.

Мамонтов А. М. Динамика видового состава рыб в голоценовых комплексах геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма II (в зоне затопления Богучанской ГЭС) / А. М. Мамонтов, Д. Н. Лохов // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск, 2013. – Вып. 2. – С. 126–133.

Новиков А. Г. Погребальные обряды могильников урочища Улярба / А. Г. Новиков // Молодая археология и этнология Сибири. – Чита, 1999. – Т. 1. – С. 139–141.

Окладников А. П. Верхоленинский могильник – памятник древней культуры народов Сибири / А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1978. – 288 с.

Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары: (От Серово до Братска) / А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1976. – 328 с.

Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья / А. П. Окладников // ВДИ. – 1938. – № 1 (2). – С. 244–260.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА. – № 18).

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3 : Глазковское время. – 374 с. – (МИА. – № 43).

Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) / А. П. Окладников // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 181–186.

Окладников А. П. Новые неолитические находки на Ангаре, в районе дер. Кежмы / А. П. Окладников // СА. – 1952. – Т. 16. – С. 320–326.

Постнов А. В. Об археологических раскопках неолитической стоянки Утес Медвежий Кежемского района Красноярского края в 2010 году : отчет / А. В. Постнов. – Новосибирск, 2011. – 6 т. – 1426 с.

Привалихин В. И. Исследование погребений раннего бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-2 в Северном Приангарье (зона затопления Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре) / В. И. Привалихин // Второй век подвижничества. – Красноярск, 2011. – С. 184–202.

Привалихин В. И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» в Северном Приангарье / В. И. Привалихин // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск, 2013. – С. 73–91.

Привалихин В. И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) / В. И. Привалихин // Енисейская провинция. – Красноярск, 2009. – Вып. 4. – С. 300–310.

Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. И. Привалихин. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Привалихин В. И. Сосновый Мыс-2 – новый разновременный могильник Северного Приангарья / В. И. Привалихин // Сиб. межмузейный сб. – Красноярск, 1998. – Вып. 1. – С. 72–87.

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – 536 с.

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – 616 с.

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – 500 с.

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – 502 с.

Раскопки древнего могильника на Средней Ангаре / Н. А. Петрова, В. И. Смотров, Г. И. Смотров, Н. И. Дроздов, С. И. Ларченко // Археологические открытия 1975 года. – М., 1976. – С. 272–273.

Роговской Е. О. Местонахождение Остров Лиственичный в общих проблемах ангарского неолитоведения / Е. О. Роговской, А. М. Кузнецов, А. А. Попов // Феномен георхеологической многослойности Байкальской Сибири. – Иркутск, 2012. – С. 171–177.

Рыбин Е. П. О раскопках на многослойной стоянке Колпаков Ручей в Кежемском районе Красноярского края в 2010 году : отчет / Е. П. Рыбин. – Новосибирск, 2011. – 4 т. – 847 с.

Рыбин Е. П. О раскопках на многослойной стоянке Окуневка в Кежемском районе Красноярского края в 2009 году : отчет / Е. П. Рыбин. – Новосибирск, 2010. – 11 т. – 2389 с.

Северное Приангарье. Введение в плейстоценовую археологию / Г. И. Медведев, Е. О. Роговской, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Таракановский // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. – Иркутск, 2009. – С. 298–309.

Славинский В. С. О спасательных археологических исследованиях (раскопках) в зоне затопления БОГЭС в 2010 году на территории ансамбля памятников Паново-1–5 Кежемского района Красноярского края : отчет / В. С. Славинский. – Новосибирск, 2011. – Т. 1. – 202 с.

Соколов В. Н. Новые данные по археологии Средней Ангары / В. Н. Соколов // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 101–116.

Соколов В. Н. Погребение эпохи бронзы на Илеме / В. Н. Соколов // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск, 1991. – С. 131–136.

Студзицкая С. В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) / С. В. Студзицкая // СА. – 1970. – Вып. 1. – С. 19–33.

Студзицкая С. В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре (по материалам могильника Шумилиха) / С. В. Студзицкая // Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. – Иркутск, 1981. – С. 38–45.

Тимощенко А. А. О результатах спасательных работ 5-го Усть-Илимского и Сосновомысского отрядов Богучанской экспедиции на стоянке, могильнике Сосновый Мыс Усть-Илимского района Иркутской области в 2011 году : отчет / А. А. Тимощенко. – Новосибирск, 2012а. – Т. 1. – 312 с.

Тимощенко А. А. О результатах спасательных работ Жеваканского отряда Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН на ОАН Каменный (60 км) I, II и Усть-Жевакан в Усть-Илимском районе Иркутской области в 2012 году : отчет / А. А. Тимощенко. – Новосибирск, 2012б. – Т. 1. – 43 с.

Туркин Г. В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. В. Туркин. – Владивосток, 2003. – 24 с.

Туркин Г. В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита–бронзового века на Южном Байкале / Г. В. Туркин, А. В. Харинский // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2004. – Вып. 2. – С. 124–158.

Тютрин А. А. Погребальные комплексы раннего бронзового века на территории Прибайкалья / А. А. Тютрин // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Улан-Удэ, 1998. – С. 72–73.

Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири / Л. П. Хлобыстин // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987. – С. 327–344.

Хороших П. П. Илимская историко-этнографическая экспедиция Иркутского университета / П. П. Хороших // Изв. СО АН СССР. – 1961. – № 2. – С. 130–131.

Burial Complexes of the Bronze Age in the Northern Angara Region. Chronology Problems and Cultural Identity

S. P. Dudarek, D. N. Likhov

Abstract. This article is the first attempt to summarize the results of the research of the burial complexes of Bronze Age in the Northern Angara region. We use the materials of 29 burials of 13 locations, where 17 graves have the different destruction's traces in the result of influence of human or natural factors. We gave the general characteristic of the funeral ceremony. We raised some problems of accessibility and publication of the burials materials. We identified 5 types of burials from the position of the skeletons in the grave pits: writhed on the left side, stretched on his back, on the right / left side with bent legs, secondary burial and cremation. We raised an issue about their correct dating into the chronological period of the Bronze age in the Northern Angara region. We determined the cultural and historical similar features of the burials materials of Northern Angara region and Glazkovo funerary traditions of the Baikal region, thus we found a striking difference – the predominance in the funeral inventory of hunting tools. We set a chronological period of the Bronze Age in Northern Angara region 4500–2800 BP.

Keywords: Northern Angara region, Baikal region, Bronze age, Glazkovo period, chronology, periodization, burial complexes, accompanying equipment.

Дударёк Сергей Павлович

аспирант, Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)52-14-75
e-mail: dudareks@mail.ru

Dudariok Sergey Pavlovich

Postgraduate,
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
tel.: 8(3952)52-14-75
e-mail: dudareks@mail.ru

Лохов Дмитрий Николаевич

инженер-исследователь, Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)52-14-75
e-mail: bisaagan@yandex.ru

Likhov Dmitriy Nikolaevich

Research Engineer,
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
tel.: 8(3952)52-14-75
e-mail: bisaagan@yandex.ru